

Д.П. Муравьев

Мотивы поэзии Лермонтова Одиночество

Одиночество — мотив, пронизывающий почти все творчество и выражающий умонастроение поэта. Это одновременно и мотив, и сквозная, центральная тема его поэзии, начиная с юношеских стихов и кончая последними — «Выхожу один я на дорогу» и «Пророк». Ни у кого из русских поэтов этот мотив не вырос в такой всеобъемлющий образ, как у Лермонтова.

Мотив одиночества возникает у Лермонтова в традиционно-элегическом облике «унылого» героя («К П...ну»), как чисто внешняя отчужденность, удаленность лирического героя от мира людей («Везде один, природы сын») или как вынужденное изгнанничество, как вечное скитальчество и сиротство («Клянет он мир, где вечно сир»). В самых ранних стихах одиночество нередко носит еще весьма абстрактный характер: зачастую оно только называется, будучи скорее данью литературной традиции. Но за абстрактной условностью стояли напряженные поиски своего места в мире, своего «жизни назначенья» и своего героя, отвечающего грандиозным устремлениям личности и высокой поэтике романтизма.

Новое, что внес Лермонтов в трактовку темы одиночества, — это прежде всего его абсолютный и глубоко личный характер, связанный с неприятием лермонтовским героем мира, коренных основ миропорядка. Герой Лермонтова постоянно и везде одинок: он одинок среди людей, которые преследуют его «жестокостью», «клеветой», «злостью», не способны понять его высоких стремлений и потому враждебны ему:

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

(«К*» — «Мы случайно сведены судьбою»)

Ему нет места среди «хладной», «бесчувственной» «толпы», среди «надменного» и «бездушного» «света». Он одинок и в своей «отчизне», «где стонет человек от рабства и цепей» («Жалобы турка»), в «стране рабов, стране господ» («Прощай, немытая Россия»). И, наконец, он одинок в целом мире, который неизменно является ему «пустыней»: «пустыня мира» («Демон»), пустыня жизни («Благодарность»). Это всеобъемлющее одиночество обнаруживается и в таких глубоких и интимных человеческих отношениях, которые по природе своей в наибольшей степени предполагают возможность душевной связи между людьми: любовь, дружба, родство. В любви его уже заранее останавливает и пугает крепнущее сознание ее непостоянства и скоротечности; высказанный с юношеской запальчивостью и непосредственностью в «Опасении» (1830) — «Страшись любви: она пройдет», — этот мотив кристаллизуется в философски-афористичное, вобравшее опыт и раздумья всей жизни, подводящее черту стих. «И скучно и грустно»:

Любить... но кого же?... на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

Любить для героя Лермонтова — «необходимость», «страсть сильнейшая» («1831-го июня 11 дня»), но и обреченность на страдание. В конце концов, тот, кому «любить до могилы творцом суждено» («Стансы», 1831), оглядываясь на жизнь, бросит с горьким упреком и вызовом саркастическую «благодарность» творцу и за «отраву поцелуя», и за «клевету друзей», и «за жар души, растроченный в пустыне». В этой «благодарности» — «за все, чем я обманут в жизни был», — обнажается двойственная природа лермонтов-

ского одиночества: враждебный человеку мир — с отъединенностью от «врагов» и «друзей» и — и волевое, гордое, непримиренное «Я» поэта, не желающее пойти на какой-либо компромисс с этим миром, ни перед чем не останавливающееся в противостоянии ему, вплоть до противоборства как равных «Я» и бога; лермонтовская «с небом гордая вражда» — та окончательная «точка», которая замыкает круг безысходности его одиночества.

Неустранимость одиночества проступает особенно очевидно, когда герой, казалось бы, освобождается от него, достигая противоположных психологических состояний. Даже в минуты просветленности, когда присутствие любимой женщины или чистая, не смущаемая сомнением вера, или созерцание природы переполняют душу радостью и умилением, герой Лермонтова остается одиноким. С этим, видимо, связан особый, чисто лермонтовский характер самого просветления, которое почти всегда приобретает оттенок неполноты — иногда даже вопреки эмоциональному строю стиха и прямому смыслу слов:

Все полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой»

(«Ветка Палестины»)

— вокруг, но не в самом «Я». С этим же связано ощущение непрочности, скоротечности светлых переживаний или некоторой их условности:

И счастье я могу постигнуть на земле.

(«Когда волнуется желтеющая нива»)

Даже переход в вечную жизнь, обретение желанной «свободы и покоя» не избавляют лирического героя от одиночества, сохраняя лишь напоминания о возможных связях с миром:

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел.

(«Выхожу один я на дорогу»)

а то и утрачивая даже такую символическую связь с ним («... в мире новом друг друга они не узнали» — «Они любили друг друга»). Особый лермонтовский трагизм мировосприятия во многом определяется абсолютностью одиночества, интенсивностью его переживания, обостряемого бесплодностью напряженных поисков цели и смысла бытия.

С самого начала мотив одиночества существует в творчестве Лермонтова в двух полярных, но по существу взаимоопределяемых ценностных измерениях:

«Исконное одиночество лирического “Я” (равно как и героя сюжетных произведений романтизма) выступает одновременно и как награда за исключительность, за “непошлость”, и как проклятие, обрекающее его на изгнанничество, непонимание, с одной стороны, и злость, эгоизм — с другой» (Ю. Лотман).

Для героя раннего Лермонтова эта общеромантическая формула имеет неоспоримую силу. Действительно, только оставаясь в принципиальном одиночестве («Живу — как неба властелин — / В прекрасном мире — но один»), которым он мучился и к которому в то же время стремился, право на которое он оберегал и отстаивал у «ничтожного мира», он мог обнаружить уникальность своего «Я»; только такая позиция была достойна его, как и всякого истинного героя (ср. образы Дж. Байрона и Наполеона в лирике Лермонтова). Но одновременно он тяготился своим одиночеством, признаваясь, что оно «страшно» ему, и жаждал связи с другой, родственной душой. Мцыри мечтал

... хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.

Эта откровенно выраженная тоска по родной душе постоянно присутствует в лирике Лермонтова, и тем трагичнее оказывается невозможность ее обрести, разделить с ней

свою судьбу. Лермонтовский Демон также страдал от своей космической неприютности, и в итоге — «позавидовал невольно неполной радости земной».

Стремление к этой «неполной», краткой, даже отвергаемой земной радости и убеждение в том, что истинный удел — в гордом, мятежном одиночестве, бросающем вызов творцу и миру, — трагически разрывало сознание Лермонтова и определяло пафос его творчества (особенно раннего), проникая во все его роды и жанры — драмы, поэмы, прозу.

Так, поэтические символы одиночества — образы сосны на голой вершине («На севере диком...»), оторванного бурей листка, одинокого паруса, одинокого утеса, до времени созрелого плода («Дума»), узника, заточенного в голые стены «темницы» («Узник», «Сосед», «Пленный рыцарь»), и др. — проходят через всю лирику Лермонтова.

Но, сохраняя устойчивость, полноту символического и психологического содержания, одиночество как жизненная позиция в зрелом творчестве Лермонтова обретает некоторые новые черты. Здесь оно уже не признак исключительности; во всяком случае не это акцентирует поэт. Одиночество уже ничего не обещает его герою, оно может быть скучным («Герой нашего времени»), тщетным, но при этом всегда подлинным выражением трагизма, остроту которого в поздней лирике Лермонтов в большей степени связывает с одиночеством среди людей, чем с одиночеством вселенского масштаба («Пророк», «Смерть поэта», «Воздушный корабль»). Этот иной ценностный и эмоциональный регистр находит выражение в самой интонации — без признаков внешней патетики, — с которой говорит поэт об одиночестве своего героя («И скучно и грустно, и некому руку подать...»; «...Одинок / Он стоит, задумался глубоко, / И тихонько плачет он в пустыне» — «Утес»; «Никто моим словам не внемлет... я один»).

Такое одиночество не снимает высокого личного трагизма, но предстает как естественный неизбежный общий итог бытия. Оттого так свободно переходит Лермонтов от «Я» к «мы» в своей беспощадной характеристике исторически одинокого поколения («Дума»). Печорину он также передает многие черты своего лирического героя, в том числе и его принципиально неустранимое одиночество, но эти черты уже осознаны Лермонтовым философски-исторически, как черты «героя времени». В зрелом Лермонтове крепнет стремление вырваться из круга трагического одиночества, пойти навстречу людям. И в поисках выхода из него Лермонтова уже не смущает проза обыденной жизни, соизмеримость с ней и с жизнью других людей, «простого человека» («Родина», «Соседка», «Завещание», «Валерик»). Однако тяготение к народной жизни, общим ценностям не устраняет одиночества «лермонтовского человека»; отказ от прежних романтических иллюзий лишь усиливает и углубляет испытанный реальностью трагический характер его одиночества; для пророка сохранение связи с мировым «целым» возможно лишь ценой вынужденного разрыва с людьми («Пророк»). Основной источник лермонтовского одиночества — противостояние героя и мира; дистанция, разделяющая их, остается не преодоленной до конца.